

ВАСИЛЬЧЕНКО ВАЛЕРИЯ

**НА ПОЛНОЙ
СКОРОСТИ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерия Васильченко

На полной скорости

<https://litres.ru/74019126>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — наследник миллиардной империи, о существовании которой не знал.

Она — девушка, которую собственный отец однажды превратил в разменную монету.

Крис привык всё контролировать: цифры, риски, решения.

Но в его жизни внезапно появляется мир, где не работают ни логика, ни правила — мир подпольных гонок, где ставка всегда выше, чем кажется.

Кейт живёт на скорости.

Для неё дорога — это единственное место, где можно дышать.

Единственное место, где никто не имеет над ней власти.

Но за гонками скрывается нечто большее.

Сделки. Влияние. Война, начавшаяся задолго до их встречи.

Её отец — Кроули — строит империю через страх и контроль.

Его отец — человек, который когда-то пытался остановить это.

И теперь их судьбы переплетаются.

Тайны прошлого, предательства, опасные заезды и чувства, которые нельзя позволить себе — всё это ведёт к одному:

к моменту, когда придётся выбрать сторону.

И идти до конца.

Даже если придётся жить на полной скорости.

Содержание

Часть 1. Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	36
Глава 4	42
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Валерия Васильченко

На полной скорости

Часть 1. Глава 1

Часть 1. Глава 1

Кристофер Браун

Я сидел в поезде у окна и смотрел на мелькающие мимо деревья. Всё, что происходило со мной сейчас, казалось сном — странным, тяжёлым, нереальным.

На столике лежала газета с кричащим заголовком:

«Трагически погиб владелец Vance Group. Кто унаследует империю, если, по официальным данным, у него не было ни детей, ни племянников? Акулы уже готовы к атаке...»

Дальше я читать не стал.

Снова уставился в окно. За стеклом медленно стучались сумерки. К ночи я буду на месте. А завтра утром начну разбираться с проблемами — если они вообще появятся.

Два дня назад мне пришло письмо.

«Дорогой Кристофер! Мне очень жаль, что ты получил это письмо. Это значит, что меня больше нет в живых.

Если ты хочешь узнать правду, тебе нужно приехать в мой дом. В твой дом.

Твой отец.»

Ниже был указан адрес — туда я сейчас и ехал.

Моему гневу, ярости и боли не было предела.

Мама никогда не рассказывала мне об отце. Даже когда я спрашивал — она уходила от ответа. Говорила, что это не лучшая тема для разговора. А потом у неё случился сердечный приступ — и её не стало.

И я так и не узнал, кем был мой отец.

До этого письма.

Меня зовут Кристофер Браун.

Сирота. Парень, который не понимает, зачем едет в Сан-Франциско. Человек, у которого больше ничего нет.

Меня здесь ничего не держало. Поэтому я без раздумий собрал вещи и уехал.

Я вырос в Нью-Йорке. Мама переехала туда, когда мне было два года, ни слова не сказав о нашем прошлом. Всё, что касалось семьи, было под запретом. Будто в мире существовали только мы вдвоём.

До этого проклятого письма.

Был ли я хорошим мальчиком?

Нет. Это точно не про меня.

Мама со мной намучилась. Постоянные драки. Постоянные проблемы. Я вечно во что-то влипал. Её регулярно вызывали к директору, со мной проводили «воспитательные беседы», грозили исключением.

Отучиться мне всё-таки удалось.

Не потому, что было легко. И не потому, что я горел учёбой. Скорее потому, что я упрямо шёл вперёд — день за днём, ночь за ночью, сжав зубы. Программирование стало единственным, за что я мог зацепиться. Цифры и строки кода не задавали вопросов, не жалели и не требовали объяснений. Они просто работали. Или нет.

Я учился много. Иногда до рассвета. Спал по три–четыре часа, пил литрами кофе, писал код на автомате. Пропускал вечеринки, игнорировал людей, закрывался в комнате с ноутбуком. Я хотел одного — чтобы мама мной гордилась.

И она гордилась.

Я стал уверенным программистом. Тем, о ком можно сказать: «у него есть будущее». Но мама знала только вершину айсберга.

Под водой скрывалось совсем другое.

Я был хакером.

Зарабатывал тем, что взламывал сайты. Заказы приходили через зашифрованные чаты, без имён и лиц. Иногда нужно было просто обойти защиту. Иногда — вытащить данные и выложить их на всеобщее обозрение. Чужие секреты, грязное бельё, личные переписки.

Я не гордился этим. Каждый раз говорил себе, что это временно. Что я скоро брошу. Что это всего лишь способ выжить.

Но правда была в другом — это было всё, что я умел. Ну, почти всё.

На первые по-настоящему хорошие деньги я купил машину.

Ford Mustang.

Синий. Грубый. Живой.

Я вкладывал в неё всё: время, деньги, злость, адреналин. Менял подвеску, дорабатывал трансмиссию, усиливал двигатель. Установил нитро. Делал её не красивой — быстрой. Опасной. Гоночной.

Гонки стали моей зависимостью.

С самой первой ночи — победы. Я выигрывал нелегальные заезды, снова и снова. Деньги текли рекой. И это пьянило. Скорость стирала мысли. На трассе не было одиночества, боли, вопросов. Только я и дорога.

Я был жив.

Последняя гонка была полгода назад.

Авария.

Скрежет металла. Удар. Темнота.

Переломы. Боль. Палата. Запах лекарств.

И звонок.

Мамин сердечный приступ. Она не выдержала. Слишком испугалась. Слишком сильно переживала за меня.

Её не стало.

С тех пор я больше не садился за руль.

И не сяду.

Сан-Франциско встретил меня прохладным весенним вечером.

Воздух был влажным, пах морем и мокрым асфальтом. Город шумел, жил своей жизнью — машины проезжали мимо, люди спешили, разговаривали по телефону, смеялись. Никому не было дела до меня и до того, что моя жизнь только что перевернулась.

Я вышел с вокзала и пошёл пешком. Хотел немного прийти в себя. Подумать. Понять, зачем вообще сюда приехал. Каждый шаг давался тяжело. Внутри всё было пусто и тревожно одновременно.

Адрес я нашёл не сразу.

Невзрачный многоквартирный дом, затерявшийся среди таких же серых зданий. Потёртая дверь, облупившаяся краска, тусклая лампа у входа. Ни охраны, ни пафоса, ни намёка на богатство.

Я остановился и нахмурился.

Вот значит, как... Папа оставил мне развалюху.

Глупо было ожидать чего-то другого. Человека, которого я никогда не знал, сложно представить владельцем особняка или роскошной квартиры. Скорее — вот этого. Старого дома, забытых стен и тишины.

Я глубоко вдохнул и вошёл внутрь.

В подъезде пахло пылью и сыростью. Лифт не работал — пришлось подниматься пешком. Ступени скрипели под ногами, будто предупреждая: тебе здесь не рады.

Когда я поднялся на второй этаж, телефон в кармане завибрировал.

Сообщение. Неизвестный номер.

«Ключ под ковриком. Квартира 15.»

Я замер.

Медленно достал телефон и перечитал сообщение ещё раз. Потом ещё.

Кто ты вообще такой? Откуда ты знаешь, что я здесь?

По спине пробежал холодок. Всё происходило слишком странно. Слишком точно. Будто кто-то ждал меня.

Я оглянулся. В подъезде было пусто. Тишина давила на уши.

И вдруг внутри проснулось старое, знакомое чувство.

Любопытство.

Нет.

Профессиональный интерес.

Я был хакером. И я умел находить людей.

Мысль вспыхнула мгновенно: узнать, кому принадлежит этот номер. Вытащить имя. Адрес. Историю. Всё, что можно. Это было почти рефлексом. Защитной реакцией.

Позже, — сказал я себе.

Сначала — квартира.

Я подошёл к двери с цифрой 15. Под ногами лежал старый коврик. Потёртый, выцветший. Самый обычный.

Наклонился и приподнял его.

Ключ был там.

Холодный. Тяжёлый. Настоящий.

Я взял его в руку и сжал пальцы.

В груди поселилось странное чувство — смесь тревоги и предчувствия. Будто я стоял на пороге чего-то большего, чем просто старая квартира и чужая жизнь.

Ключ подошёл идеально.

Я провернул его в замке пару раз — раздался глухой щелчок, и дверь поддалась. В тот же миг в лицо ударил застоявшийся воздух, тяжёлый и холодный, будто в квартире давно никто не жил.

Я на секунду замер, прислушиваясь.

Тишина.

Только где-то вдалеке шумел город.

Осторожно толкнув дверь, я вошёл внутрь. Она открылась со скрипом, будто протестуя против чужого присутствия.

В окна пробивался тусклый свет фонарей. Жёлтые полосы ложились на пол, стены, мебель, выхватывая из темноты отдельные силуэты.

Здесь было не пусто.

Наоборот — мебели оказалось слишком много для одинокого человека. Старый диван, массивный стол, кресло у окна, книжные полки, заставленные папками и книгами. Всё выглядело так, словно хозяин вышел ненадолго... и больше не вернулся.

Я медленно прошёл вперёд, чувствуя, как с каждым шагом внутри растёт странное напряжение.

Это был чужой дом.

И в то же время — мой.

Я включил свет.

Лампочка моргнула несколько раз, прежде чем залить комнату тусклым жёлтым светом. Квартира выглядела ещё более пустой и холодной, чем в темноте.

Я медленно прошёлся по комнате.

Ничего необычного.

Диван. Стол. Кресло. Книги. Папки. Старый ноутбук на полке. Всё выглядело заброшенным, но не разгромленным. Словно хозяин просто исчез.

И всё же...

Что-то здесь было не так.

Я остановился у книжного шкафа.

Полки стояли слишком ровно. Слишком аккуратно. Будто их недавно трогали.

Я провёл рукой по корешкам книг — и одна из них слегка сдвинулась.

Щёлк.

Тихий звук, почти неслышный.

Я замер.

Сердце забилось быстрее.

Медленно потянул книгу на себя.

Часть стены отъехала в сторону.

За ней оказался встроенный сейф.

Современный. Чёрный. Без замочной скважины. Только маленький экран и сенсорная панель.

Биометрический.

— Серьёзно?.. — тихо выдохнул я.

На экране загорелась надпись:

«Идентификация пользователя»

Я нахмурился.

Отпечаток пальца?

Другого варианта не было.

Я осторожно приложил палец к сенсору.

Прошло две секунды.

Три.

Экран мигнул.

«Доступ разрешён. Добро пожаловать, Кристофер.»

Я глубоко вдохнул.

Он знал. Знал, что я приду. Знал, что именно я открою это.

Сейф щёлкнул и медленно распахнулся.

Внутри лежала только тонкая папка и сложенный лист бумаги.

Я дрожащими пальцами развернул лист.

Там был только адрес.

И одна строчка:

«Правда ждёт тебя здесь.»

Я не стал раздумывать.

Адрес, оставленный отцом, будто прожигал ладонь. Остаться в квартире и гадать было бессмысленно. Если он хотел, чтобы я приехал — значит, тянуть нельзя.

Я вышел на улицу и почти сразу поймал такси.

Когда я назвал адрес, водитель на мгновение замолчал и

посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Туда редко ездят, — сказал он. — И не просто так.

— Значит, поехали, — коротко ответил я.

Я сел на заднее сиденье и сразу же почувствовал, как тело напряглось. Пальцы вцепились в ремень безопасности, дыхание стало поверхностным. Запах салона — пластик, бензин, что-то металлическое — ударил в нос и вернул воспоминания, которые я старательно хоронил.

Дорога. Скорость. Удар.

Я закрыл глаза и заставил себя дышать медленно.

Это не ты за рулём. Это просто поездка.

Но тело не слушалось.

Каждый раз, когда машина ускорялась, внутри что-то сжималось. Колёса шуршали по асфальту слишком громко. Фары встречных машин били по глазам, будто вспышки. Я чувствовал, как пот холодными каплями стекает по спине.

Спокойно. Ты в порядке.

Я считал вдохи. Сжимал и разжимал пальцы. Смотрел в окно, лишь бы не на дорогу.

Когда город остался позади, стало только хуже.

Дорога была ровной, слишком ровной. Освещённой. Ухоженной. Машина ехала уверенно, без рывков — и от этого становилось ещё страшнее. Будто всё шло слишком правильно, перед чем-то плохим.

Через сорок минут впереди показались ворота.

Высокие. Металлические. С прожекторами и камерами по

периметру. По обе стороны тянулись бетонные стены.

Такси остановилось.

Я выдохнул с облегчением, даже не сразу поняв почему.

— Дальше только по пропускам, — сказал водитель. —

Извини.

Я вышел из машины слишком резко, почти споткнувшись.

Свежий воздух ударил в лёгкие, и только тогда я понял, как сильно дрожат руки.

Чёрт.

К воротам подошёл охранник.

Форма. Гарнитура в ухе. Взгляд спокойный, изучающий.

— Ваше имя? — спросил он.

— Кристофер Браун, — ответил я, всё ещё приходя в себя.

Он посмотрел на планшет.

Всего секунду.

— Проходите, мистер Ванс.

У меня внутри всё оборвалось.

— Я... — начал было я, но ворота уже медленно открывались.

Металл глухо заскрипел.

Ко мне подъехала чёрная машина с тонированными стёклами.

— Вас проводят.

Я замер.

Сесть обратно в машину означало снова оказаться запер-

тым. Без контроля. Без выхода.

Сердце ударило сильнее.

Ты справишься. Просто сядь.

Я сделал шаг вперёд, потом ещё один, заставляя себя двигаться.

Внутри было тихо. Слишком тихо. Машина тронулась плавно, почти незаметно, но этого хватило, чтобы дыхание снова сбилось.

Я смотрел прямо перед собой, не моргая.

Мы ехали по территории, больше похожей на крепость, чем на жилое место. Камеры. Охрана. Несколько зданий. И в центре — основной дом.

Современный. Закрытый. Непроступный.

Его строили не для жизни.

Его строили для защиты.

Когда машина остановилась, я выдохнул так, будто только что выбрался из воды.

Я понял одно: человек, которого я никогда не знал, был совсем не тем, кем я его представлял.

И это было только начало.

Глава 2

Дом возник из темноты неожиданно — словно кто-то вырезал кусок света и водрузил его посреди ночи.

Белоснежный. Огромный. Безупречно выверенные линии стекла и камня, холодная, современная роскошь. Он не выглядел жилым — скорее крепостью, созданной не для жизни, а для выживания.

Высокий забор, скрытые камеры, охрана у въезда. Машина остановилась перед парадной дверью.

Грудь сжало так, будто воздух внезапно стал густым. Я стиснул пальцы в кулаки, хотя машина давно уже стояла. Перед глазами вспыхнуло воспоминание — металл, удар, визг тормозов. Сердце билось слишком быстро, сбиваясь с ритма.

Я ненавидел это чувство. Ненавидал слабость. Ненавидал, что обычная поездка до сих пор могла выбить почву из-под ног — даже на пассажирском сиденье.

— Соберись... — прошептал я себе.

Меня будто ждали.

Вблизи дом оказался ещё больше. Белый камень отливал холодным светом, панорамные окна отражали звёзды. Внутри — мягкое освещение, высокие потолки, выверенный минимализм, в котором каждая деталь кричала о деньгах, власти и контроле.

Это была не «халупа». Это была реальность, к которой я

не был готов.

— Вы приехали, — раздался спокойный голос.

Я резко обернулся.

Мужчина лет пятидесяти стоял чуть в стороне. Тёмный костюм сидел на нём безупречно, на висках — благородная седина. Взгляд прямой, внимательный, без тени любопытства — только уважение и что-то ещё... долг.

— Виктор, — представился он, протягивая руку. — Я работал с вашим отцом больше двадцати лет.

Рукопожатие было крепким. Настоящим.

— Полагаю, у вас накопилось много вопросов, — продолжил он ровным, уверенным тоном. — И я здесь, чтобы на них ответить. Такова была последняя воля вашего отца.

Он сделал паузу, позволяя словам осесть.

— Я поклялся ему, что помогу вам. Во всём. И буду рядом, пока вы не разберётесь с тем, что он вам оставил.

Я медленно оглядел дом ещё раз.

Миллионы. Тайны. Защита. И жизнь, о которой я не просил.

— Тогда начинайте объяснять, — тихо сказал я. — Потому что я чувствую... это только начало.

Виктор едва заметно кивнул.

— Именно так. Ваш отец — мистер Джон Ванс. Понимаю, насколько абсурдно это может звучать, но вы действительно его сын. По воле вашей матери вы росли вдаль от него — из-за его дел, положения и постоянной опасности.

Он жестом указал на вход.

— Прошу, пройдёмте в дом. За ужином я расскажу всё подробнее. Дорога была долгой.

Он прошёл первым и, распахнув дверь, жестом пригласил меня войти.

Я перешагнул порог — и красота снаружи мгновенно померкла на фоне того, что оказалось внутри.

Дом дышал гармонией. Здесь не было ничего лишнего или случайного: цвета, фактуры, мебель — всё существовало как единое целое, словно каждую деталь подбирали не для показной роскоши, а для ощущения жизни.

Меня встретила гостиная.

Просторная, залитая мягким светом, с высокой стеклянной лестницей, уходящей на второй этаж. Дом был всего двухэтажным, но по площади казался почти бесконечным — здесь легко можно было потеряться, не из-за размеров, а из-за ощущения свободы.

Панорамные окна были закрыты молочно-бархатными шторами, которые приглушали внешний мир, оставляя внутри тишину и покой. В центре комнаты располагался огромный белоснежный диван в форме буквы «П» — мягкий, глубокий, словно созданный для долгих вечеров. Напротив — большой телевизор и аккуратно встроенный саундбар, но даже они не перетягивали на себя внимание.

Взгляд притянул камин.

Живой огонь тихо потрескивал, наполняя пространство

теплом. Оно ощущалось не только кожей — оно проходило глубже, будто согревало что-то внутри, давно застывшее. Я поймал себя на том, что замер, просто глядя на пламя.

Уют.

Забытое слово. Забытое чувство.

Такого тепла не было в моей жизни уже слишком давно. Ни в съёмных квартирах, ни в холодных комнатах Нью-Йорка, где всё было временным — люди, вещи, сам я.

— Нравится? — негромко спросил Виктор.

Я не ответил. Просто кивнул.

Мы прошли дальше — в кухню.

Просторную, светлую, наполненную запахами свежей еды. Здесь не было показного блеска — только тёплое дерево, каменная столешница и ощущение, что это место, где действительно живут.

— Добрый вечер, — раздался мягкий голос.

К нам обернулась женщина.

Среднего возраста, невысокая, с аккуратно собранными волосами и добрыми, светлыми глазами. В её улыбке не было ни любопытства, ни настороженности — только искреннее тепло.

— Это Клара, — сказал Виктор. — Наш шеф-повар.

— Очень приятно, — тепло произнесла она, вытирая руки о полотенце. — Вы, должно быть, устали. Ужин почти готов. Я неожиданно почувствовал, как внутри что-то сжалось. Тепло. Забота. Дом.

То, чего у меня никогда по-настоящему не было.

Клара поставила на плиту кастрюлю и сняла крышку.

Тёплый аромат медленно разлился по кухне — густой, домашний, слишком знакомый.

Я замер.

Память сработала быстрее разума.

Мама.

Небольшая кухня в нашей нью-йоркской квартире. Старый стол, на котором вечно не хватало места. Она всегда старалась. Даже когда приходила уставшая, даже когда денег было впритык, даже когда я снова вляпывался в очередную историю. Она умела создавать уют из ничего — из дешёвых свечей, старого пледа и горячего ужина, который готовила почти молча, но с заботой.

Не всегда получалось. Иногда мы ссорились. Иногда дом наполнялся не теплом, а напряжением. Но она старалась. Всегда.

Запах из кастрюли сжал грудь сильнее, чем паника в машине.

Я отвернулся к окну, делая вид, что просто осматриваюсь, и медленно вдохнул, стараясь взять себя в руки.

— Всё хорошо? — тихо спросила Клара.

Я кивнул, не доверяя голосу.

— Просто... давно не чувствовал себя дома, — выдавил я.

Она ничего не сказала. Только тепло улыбнулась — так, как умеют только люди, которые понимают больше, чем

спрашивают.

Виктор молча наблюдал, не вмешиваясь.

А я впервые за долгое время поймал себя на странной мысли: возможно, этот дом был не ловушкой и не клеткой.

Возможно, это было место, где мне придётся научиться жить заново.

Я начал есть, почти машинально. Вкус был насыщенным, тёплым, но я ощущал его словно издалека — мысли были слишком далеко отсюда.

Виктор молча подошёл к столу и положил передо мной конверт.

Белый. Плотный. Тяжёлый — не по весу, а по смыслу.

— Мистер Джон оставил вам письмо, — сказал он спокойно. — Будет лучше, если вы прочтёте его наедине.

Он сделал небольшую паузу и добавил уже мягче:

— А пока я могу ответить на любые ваши вопросы.

Я посмотрел на конверт. Моё имя было выведено ровным, уверенным почерком — таким, каким пишут люди, привыкшие, что их читают.

Отец.

Слово отозвалось странной пустотой.

Я медленно положил вилку, но к письму не прикоснулся. Пока нет. Если я открою его сейчас, назад дороги уже не будет.

— Тогда начнём с простого, — тихо сказал я, поднимая взгляд на Виктора. — Кто именно был мой отец... и почему

я узнаю об этом только сейчас?

Виктор кивнул, словно ждал именно этого вопроса.

— Это долгий разговор, Кристофер.

Я сжал пальцы под столом.

— У нас есть время, — ответил я.

И впервые за этот вечер это прозвучало как правда.

Я отодвинул конверт в сторону и снова посмотрел на Виктора.

— Начинайте, — сказал я. — Только без общих фраз.

Он сел напротив, сложив руки на столе. Спина прямая, взгляд спокойный — человек, который привык говорить о сложных вещах.

— Ваш отец — Джон Ванс, — начал он. — Основатель и владелец корпорации Vance Group.

Я усмехнулся коротко, почти нервно.

— Вы это уже говорили. Я хочу понять, кто он был.

Виктор слегка кивнул.

— Он был умным. Жёстким. И очень дальновидным. Он построил компанию с нуля и быстро понял, что большой бизнес — это всегда война.

— И в этой войне он проиграл? — спросил я.

— Нет, — спокойно ответил Виктор. — Он выиграл слишком много раз.

Я напрягся.

— Тогда почему он мёртв?

Молчание затянулось.

— Потому что у него был конкурент, — наконец сказал Виктор. — Человек, который хотел не просто долю рынка, а всё.

— Имя, — потребовал я.

— Позже, — твёрдо ответил он. — Сейчас важно другое.

Он посмотрел прямо на меня.

— После смерти вашей матери Джон понял, что скрывать правду больше невозможно. Он начал готовиться к худшему.

— К смерти? — горько усмехнулся я.

— К передаче власти, — поправил Виктор. — Вам.

Я резко откинулся на спинку стула.

— Вы серьёзно считаете, что я готов управлять корпорацией?

— Нет, — честно ответил он. — Но вы единственный, кто имеет на это право.

— А почему я? — голос сорвался. — Почему сейчас?

Виктор медленно выдохнул.

— Потому что вы — его сын. И потому что, если бы вы не появились, компанию бы разорвали за считанные месяцы.

— Газета была права, — сказал я тихо. — Акулы уже кружат.

— Именно.

Я провёл рукой по лицу.

— А если я откажусь?

Виктор не отвёл взгляда.

— Тогда вас всё равно втянут. Разница лишь в том, будете

ли вы жертвой... или игроком.

Слова повисли в воздухе.

— Вы знали обо мне? — спросил я.

— С рождения, — ответил он. — Джон следил за вами издалека. Он хотел вмешаться сотни раз. Но каждый раз выбирал вашу безопасность.

Я сжал челюсть.

— Очень благородно.

— Очень жестоко, — согласился Виктор. — Он это понимал.

Я посмотрел на конверт.

— А что в письме?

Виктор встал.

— Правда. И инструкция, как выжить в том мире, который он вам оставил.

Он слегка наклонил голову.

— И поверьте, Кристофер... - его голос стал тише, — этот дом — лишь начало.

После ужина Виктор проводил меня в мою комнату.

— Она была подготовлена для вас, когда вам исполнилось восемнадцать, — сказал он спокойно.

Я остановился на пороге. Комната была не гостевой. Она была моей. Сдержанная, просторная, продуманная до мелочей — будто человек, который никогда меня не видел, всё равно знал, каким я буду.

Отец ждал меня. Давно.

Затем Виктор повёл меня дальше — к кабинету.

— Здесь, — произнёс он, открывая дверь, — сердце этого дома.

И это было правдой.

Кабинет резко отличался от всего остального пространства. Если во всём доме преобладали светлые оттенки, то здесь царил благородный тёплый коричневый. Массивный стол в центре комнаты был выполнен из редкого тёмного дерева — тяжёлый, основательный, как и власть, которую он символизировал.

Слева тянулся высокий шкаф, заполненный книгами. Их было много — коллекционные издания, старые тома, некоторые — рукописные. История, опыт, знания. Всё, что нельзя купить наспех.

Между столом и окнами стоял глобус. Я задержал на нём взгляд, не понимая, зачем он здесь. Или, наоборот, понимая слишком хорошо.

Я сел в кресло.

Нет — не кресло. Трон.

Трон владельца Vance Group.

Не мой. Его. Моего отца.

Сомнения снова накрыли меня.

На столе стояла фотография. Я сразу её узнал — мама и я. Ещё маленький. Слишком счастливый. Я взял рамку в руки, и грудь сжало.

Тепло и боль — вместе.

— Пора, — тихо сказал я сам себе.

Я положил фотографию обратно и открыл письмо.

Ровным, уверенным почерком было написано:

«Дорогой мой мальчик.

Я понимаю, как ты сейчас сбит с толку. Возможно, ты считаешь меня негодяем. Плохим отцом. Но это было решение твоей матери.

Она была любовью всей моей жизни. И остаётся ею до сих пор.

А ты, Кристофер, — самое счастливое, что когда-либо со мной случилось. Я безумно люблю тебя. И мне невыносимо жаль, что я не успел сказать это тебе лично.

Раз ты читаешь это письмо — меня уже нет.

Давай по порядку.

Виктор — самый надёжный человек, который сейчас у тебя есть. Я знаю, что ты замкнут и не любишь впускать людей в свою жизнь. Он знает всё, что поможет тебе удержать бизнес и выжить в этом мире.

Теперь о главном.

Кроули Бланшт — враг номер один. Его влияние держится на криминале, но у меня не хватило доказательств, чтобы остановить его. Возможно, у тебя это получится. Все документы ищи в моём кабинете.

И последнее.

Всё, что у меня было, теперь твоё.

Я строил это для тебя, мой мальчик.

Я следил за тобой все эти годы. Знаю о твоих успехах и неудачах. И я горжусь тобой больше, чем ты можешь представить.

Я понимаю твои чувства. Все мои решения были продиктованы твоей безопасностью. Сейчас ты вырос. Ты сможешь постоять за себя. А ресурсы и контакты дадут тебе силу.

Я бы очень хотел быть сейчас рядом.

С бесконечной любовью, твой отец.»

Смешанные чувства накрыли меня разом.

Я чувствовал любовь — через строки, через бумагу, через почерк. Письмо пахло сандалом. Наверное, это был парфюм отца. Даже сейчас он словно находился рядом.

Но вместе с теплом пришли горечь и обида. Что он... Что я... Что мы так и не успели узнать друг друга.

Ком встал в горле. Я не плакал много лет и сейчас не собирался. Но внутри было тяжело — словно что-то медленно сжимало грудь.

«Может быть, если я останусь здесь подольше, я смогу узнать тебя, папа», — мысленно произнёс я.

Нужно осмотреться. Понять, во что я ввязался.

— Виктор, — позвал я, не сомневаясь, что он стоит у двери.

Дверь тихо открылась.

— Да, Кристофер, — вежливо произнёс он, входя.

— Можно просто Крис. Отец, кажется, всё тебе объяснил.

И сказал, что тебе можно доверять.

Виктор слегка кивнул.

— Я полностью к вашим услугам.

— Тогда расскажи мне... что вообще происходило с этим Кроули? Что за бизнес был у отца? И с какими проблемами я теперь столкнулся?

Виктор на секунду замолчал, будто подбирая слова.

— Кроули Бланшт с самого начала был настроен враждебно. С первого дня знакомства с вашим отцом. Он затеял негласную войну — пытался переманивать людей, саботировать сделки... и неоднократно пытался украсть технологии вашей компании.

Он сделал паузу.

— Бизнес, который вы унаследовали, — одна из ключевых компаний на рынке. И не всем это по вкусу.

Я медленно выдохнул. Похоже, спокойной жизни здесь не будет.

— Я даже рискну сказать вам, что, скорее всего, именно он заказал убийство вашего отца.

В комнате повисла тишина.

Я медленно поднял взгляд на Виктора.

— Кстати, об этом... — голос прозвучал хрипло. — Как он умер?

Виктор чуть напрягся. Едва заметно. Если бы я не смотрел внимательно — не уловил бы.

— Официально — внезапная остановка сердца, — спо-

койно произнёс он. — Инфаркт. Это случилось поздно вечером, в его кабинете. Он работал допоздна. Охрана услышала шум — упал стул. Когда дверь открыли, он уже лежал на полу.

— Скорая?

— Приехала через семь минут. Врачи пытались реанимировать его, но безуспешно. В заключении — острая сердечная недостаточность.

Я опустил в кресло.

Инфаркт.

Слишком просто.

— У него были проблемы с сердцем? — спросил я.

— Незначительная аритмия. Ничего критичного. Он проходил обследование три месяца назад. Результаты были... удовлетворительными.

Удовлетворительными.

Я провёл рукой по лицу.

— Кто был с ним в тот вечер?

— Никого. Он отпустил секретаря раньше обычного. Отменил ужин. Сказал, что хочет поработать один.

Один.

Виктор помолчал.

— Есть ещё кое-что, Крис.

Я поднял на него глаза.

— В кабинете нашли бокал виски. Почти полный. Ваш отец редко пил во время работы. Практически никогда.

— И?

— На бокале были только его отпечатки. Бутылка — из его личной коллекции.

— Тогда в чём странность?

Виктор замялся на долю секунды.

— В отчёте патологоанатома упоминается, что в крови был обнаружен лёгкий след седативного препарата. В допустимой норме. Такое иногда прописывают при стрессе. Но... ваш отец не принимал ничего подобного. По крайней мере, официально.

Седативное.

Я почувствовал, как внутри что-то холодеет.

— И это никого не смутило?

— Доза была минимальной. Недостаточной, чтобы вызвать смерть. В сочетании со стрессом и возможной скрытой патологией — инфаркт выглядел естественным.

Выглядел.

Я встал и подошёл к окну.

— Камеры? — спросил я, не оборачиваясь.

— За два часа до смерти система видеонаблюдения дала сбой. Техническая неисправность. Такое уже случалось раньше.

— Конечно, — тихо усмехнулся я.

Сбой. Седативное. Бокал, который он не должен был пить.

Слишком много мелочей.

Слишком аккуратно.

— Расследование закрыли? — спросил я.

— Да. Причина смерти — естественная.

Я сжал кулаки.

Естественная.

Но почему тогда у меня ощущение, будто что-то не сходится?

Почему отец отпустил всех раньше? Почему решил пить на работе? И почему камеры «сломались» именно в ту ночь?

— Виктор, — произнёс я тихо. — Найди мне полный отчёт вскрытия. И логи с камер за последний месяц до сбоя.

Он кивнул.

— Вы думаете...

Я повернулся к нему.

— Я думаю, что, если это действительно был инфаркт — я успокоюсь. А если нет...

В груди снова встал тот самый ком.

— Тогда я узнаю, кто его убил.

Я снова остался один в кабинете.

Тишина здесь была другой — плотной, вязкой. Казалось, стены всё ещё хранят его голос.

Я обошёл стол, медленно провёл пальцами по полированной поверхности. Ничего лишнего. Всё разложено с педантичной точностью. Даже после смерти.

Слишком аккуратно.

Я потянул верхний ящик — заперт. Второй — тоже. Третий щёлкнул и открылся.

Внутри — документы, папки, старые договоры. Я перебирал их машинально, пока не заметил тонкую тёмную папку, задвинутую к самой задней стенке. Без подписи. Только две буквы, выведенные ручкой:

К.Б.

Сердце неприятно кольнуло.

Я сел и раскрыл её.

Первая страница — фотографии. Гонимые автомобили. Не просто дорогие — модифицированные, редкие, явно подготовленные под трек. Некоторые — после аварий. Разбитые, сгоревшие, будто списанные навсегда.

Дальше — таблицы. Номера кузова. Сравнение характеристик. Красные пометки.

Я нахмурился.

Один и тот же автомобиль... но с разными идентификационными данными. Один числится уничтоженным после гонки. Второй — «новый», выставленный на продажу через третью компанию.

Совпадение?

Я перелистнул дальше.

Распечатки аукционов. Переводы средств. Названия фирм, которые всплывали в расследованиях, но никогда не доводились до суда. И везде — тонкая ниточка, ведущая к людям Кроули.

Ни одного прямого обвинения. Только догадки. Расчёты. Вопросы, подчёркнутые карандашом.

На последнем листе — короткая запись отца:

«Схема работает через подпольные заезды. Машины «умирают» на трассе — и возвращаются к жизни на рынке».

Я замер.

Подпольные заезды.

Значит, это было не просто соперничество компаний. Это было что-то грязнее. Глубже.

Я вспомнил слова Виктора про седативное. Про камеры, которые «вышли из строя». Про инфаркт.

И вдруг заметил ещё одну деталь.

Внизу страницы — дата. За три дня до смерти.

И рядом — недописанная фраза:

«У меня есть доказательство, но...»

Но — что?

Я медленно закрыл папку.

Если отец действительно подобрался слишком близко к Кроули, если собирался обнародовать эту схему... инфаркт становится очень удобным исходом.

Слишком удобным.

Я встал и посмотрел на кресло за столом.

Он сидел здесь в ту ночь. Один. И, возможно, уже понимал, что перешёл кому-то дорогу.

— Что же ты нашёл, папа?.. — тихо произнёс я.

И почему не успел закончить фразу?

Теперь это уже не просто бизнес.

Это война.

И если Кроули замешан в этом — я докопаюсь до правды.
Даже если придётся войти в мир подпольных гонок само-
му.

Глава 3

Добравшись до своей комнаты, я захлопнул дверь чуть громче, чем собирался. Тишина дома давила. Слишком много мыслей. Слишком много совпадений.

Я схватил ноутбук, сел на край кровати и открыл браузер. Запросы приходилось формулировать осторожно. Подпольные гонки не живут на первой странице поисковика. Они прячутся — за закрытыми форумами, приглашениями, странными ссылками без описаний.

Сначала — ничего.

Потом — старые обсуждения. Ники вместо имён. Фото машин без номеров. Координаты, зашифрованные в виде безобидных цифр.

Я углубился.

Один форум был закрыт. Регистрация — только по коду. Второй вёл на чат в мессенджере. Третий — на страницу с расписанием «ночных мероприятий». Без адресов. Только время и странные подписи вроде:

«Серия 7. Возвращение феникса.»

Феникс.

Я вспомнил строку из папки: *«Машины умирают на трассе — и возвращаются к жизни на рынке».*

Совпадение?

Я открыл ветку обсуждений. Фотографии свежих заездов.

Толпа, огни, асфальт, визг шин. Машины — не серийные. Слишком доработанные. Слишком уникальные.

И одна из них показалась мне знакомой.

Чёрный кузов. Красная линия вдоль борта. Нестандартный воздухозаборник на капоте.

Я быстро открыл фото из папки на телефоне и сравнил.

Почти идентично.

Только на снимке отца эта машина числилась «уничтоженной» после аварии два месяца назад.

А здесь — живая. И готовая к старту.

Я почувствовал, как внутри поднимается холодное возбуждение.

Это не просто слухи.

Это система.

Внизу страницы появилась новая запись:

«Сегодня. 23:30. Старый промышленный район. Только приглашённые.»

Я посмотрел на часы.

До начала оставалось меньше двух часов.

Закрыв ноутбук, я медленно выдохнул.

Если Кроули действительно связан с этим — его люди будут там. Если машины возвращаются к жизни — я увижу это своими глазами.

Вечер обещал стать интересным.

И, возможно, опасным.

Я оделся максимально невзрачно — тёмная куртка, обыч-

ные джинсы, никакого лоска. Хотел раствориться в темноте, а не выделяться.

Я уже почти вышел, когда за спиной раздался спокойный голос Виктора:

— Сэр, пожалуйста, мой долг — отвести вас в гараж. Машина вам понадобится. Прошу за мной.

Я замер.

— Мы же за городом — пробормотал я. — Пешком отсюда не уйти, да?

— Боюсь, что нет.

Слово «гараж» отозвалось внутри неприятным холодом. Машины. Скорость.

Я любил гонять раньше. Любил ощущение, когда двигатель ревет под тобой, когда стрелка тахометра уходит в красную зону, когда мир превращается в размазанную полосу света.

Но сейчас

Мои ладони вспотели. Холодок прошёлся по спине. Не нужно подавать виду.

Виктор приложил карту к панели. Тяжёлая дверь медленно поднялась вверх.

И я застыл.

Это был не просто гараж. Это был зал, больше похожий на частный музей. Пространство тянулось далеко вперёд, потолок — высокий, с мягкой подсветкой. Пол блестел так, что отражал силуэты машин, словно вода.

И эти силуэты давили.

Слева стоял голубой **Rolls-Royce Boat Tail**.

Он выглядел почти спокойно. Длинный, плавный, будто яхта на колёсах. Роскошь без крика. Машина, в которой едут, а не мчатся. В ней можно спрятаться от мира.

Я задержал на нём взгляд чуть дольше.

Дальше — красный **Lamborghini Veneno**.

Он будто скалился. Острые линии, агрессивная аэродинамика, низкая посадка. Даже стоя на месте, он казался опасным. Как хищник, который только и ждёт, чтобы сорваться.

Я почувствовал, как ладони становятся влажными.

Я знал, на что способны такие машины. Разгон — за секунды. Малейшая ошибка — и ты уже не управляешь, а догоняешь собственный страх.

Ещё дальше — оранжевый **Koenigsegg Jesko Absolut**.

Он был другим. Не агрессивным — хладнокровным. Вытянутый, приземистый, почти нереальный. Машина, созданная для абсолютной скорости. Не для удовольствия. Для предела.

Я сделал шаг назад.

— Отец он сам на них ездил?

— Нет, — спокойно ответил Виктор. — Ваш отец предпочитал обычные автомобили. Эти он приобрёл для вас.

У меня перехватило дыхание.

Он знал.

Знал, что я был гонщиком. Знал о заездах. О трассах за

городом. О том, как я исчезал по ночам. И молчал.

Все эти годы — молчал.

Грудь сжало сильнее, чем от вида гиперкаров.

Я перевёл взгляд в глубину гаража — и увидел ещё один силуэт.

Машина под чёрным чехлом.

Низкая. Широкая. Настоящая гоночная посадка. Не витрина. Не игрушка. Инструмент.

Но у меня не хватило смелости даже подойти ближе.

Если отец купил её для меня значит, он верил, что я однажды вернусь к скорости.

А я сейчас боялся даже вдохнуть полной грудью.

Воздуха стало не хватать.

Задыхаясь, я резко развернулся и почти бегом вышел на улицу. Холодный вечерний воздух ударил в лицо, но легче не стало.

Следом вышел Виктор.

— Возможно, мне попросить Сэма вас отвезти?

Я провёл ладонью по волосам, пытаюсь вернуть контроль.

— Было бы неплохо.

Спустя двадцать минут я уже ехал на **Mercedes-Maybach S680**. Обычная кончено. Виктор явно ошибся с обозначением «обычная» машину за половину миллиона долларов.

За рулём сидел Сэм — личный водитель моего отца. Голубые глаза, широкие плечи, почти два метра роста. Возраст —

чуть старше моего, но в нём была собранность и сила, словно он умел владеть не только машиной, но и любой ситуацией. Он смотрел на дорогу с полной концентрацией, спокойный и уверенный, как человек, который видел многое и знает, когда нужно действовать тихо и решительно.

— Добрый вечер, мистер Браун, — произнёс он ровно, не отвлекаясь от дороги. — Сегодня я буду вашим водителем.

Я кивнул, пытаюсь подавить дрожь в руках. Машина двигалась почти бесшумно, но каждое её ускорение, каждое переключение передачи возвращало воспоминания об аварии.

— Вы знаете где это находится? — выдавил я, стараясь скрыть страх.

Сэм чуть улыбнулся, но глаза остались серьёзными:

— Расслабьтесь, я знаю город как свои пять пальцев.

Я глубоко вдохнул. Впервые за долгое время я снова оказался рядом с машинами — теми самыми, что когда-то дарили мне свободу и адреналин, но теперь, после аварии, вызывали одновременно страх и трепет. И всё это было снова передо мной, как вызов.

Глава 4

Когда мы почти подъехали к месту, телефон в кармане завибрировал. Резкий звук заставил меня вздрогнуть.

Сообщение.

«Мистер Кристофер, полагаю, вы направляетесь на уличные гонки. Вам понадобится пропуск. Без него вас не впустят. Ваш отец позаботился об этом. Я отправил билет вам на почту — просто покажите его.

В.»

Я перечитал сообщение дважды.

Отец позаботился. Даже об этом.

Стало не по себе. Он будто просчитывал мои шаги наперёд. Будто знал, что я окажусь именно здесь. Среди рёва моторов. Среди скорости которую я одновременно **любил и боялся.**

Я посмотрел в окно. Вдалеке уже мелькали огни — холодные, резкие, как лезвия. Там собирались люди, для которых адреналин был смыслом жизни. Для которых скорость — не страх, а религия.

У меня же при одной мысли о разгоне сжимались пальцы. — Сэм, — тихо сказал я. — Притормози.

Он бросил на меня короткий взгляд в зеркало заднего вида. Спокойный. Внимательный. Голубые глаза, холодные и собранные. Он выглядел как человек, которого невозможно

сдвинуть с места.

— Здесь, сэр?

— За километр отсюда. Дальше я пройду пешком.

Машина мягко сбросила скорость. Mercedes двигался плавно, почти бесшумно - безопасно, уверенно. И всё равно я чувствовал, как внутри поднимается знакомое напряжение. Даже в роли пассажира мне не нравилось ощущение движения на высокой скорости. Контроль — вот что меня всегда пугало. Его отсутствие.

Сэм аккуратно припарковался у обочины.

— Вас забрать позже? — спросил он спокойно.

Я замешкался.

Нужен ли мне личный водитель на уличных гонках? Смешно. И слишком показательно.

— Я позвоню, — ответил я после паузы. — И, Сэм спасибо.

Он кивнул. Без лишних слов. Как всегда.

Я вышел из машины, и холодный воздух ударил в лицо. Вдалеке уже слышался глухой рёв моторов — низкий, вибрирующий. От этого звука по спине пробежал холод.

Когда-то он вызывал во мне восторг. Теперь — только тревогу.

Я открыл почту, нашёл билет и сделал глубокий вдох.

Оставался всего километр. Километр до скорости. Километр до прошлого, от которого я так и не смог убежать.

Чем ближе я подходил, тем отчётливее становился звук.

Гул моторов уже не просто доносился издалека — он вибрировал в воздухе. Глухой, низкий, тяжёлый. Земля будто едва заметно дрожала под ногами. В темноте мелькали фары, вспыхивали огни, раздавались короткие всплески газа — резкие, как выстрелы.

Территория была открытой — старый промышленный пустырь, бетон, ржавые контейнеры, редкие фонари, дающие тусклый жёлтый свет. Никаких официальных ограждений. Никаких вывесок. Никакой явной охраны.

И всё же порядок чувствовался.

Люди не толпились хаотично — они стекались в одном направлении, словно знали невидимую линию, за которую без приглашения лучше не заходить.

Я сделал ещё несколько шагов.

И увидел их.

Условный «вход» обозначался просто — два прожектора, направленных внутрь территории. В их свете стояли двое мужчин. В чёрном. Абсолютно чёрном — куртки, брюки, ботинки.

Они не двигались.

Стояли, как две скалы.

Широкие плечи. Руки сложены перед собой. Лица почти неразличимы в тени, но от них исходило то самое ощущение — дальше ты пройдёшь только с разрешения.

Я невольно замедлил шаг.

Сердце стукнуло сильнее. Глупо. Это всего лишь охрана.

Но в груди снова возникло то же чувство, что перед стартом — когда понимаешь, что назад уже нельзя.

Я подошёл ближе.

Один из них сделал шаг вперёд. Медленный. Тяжёлый.

— Приглашение, — коротко произнёс он.

Я протянул телефон. Экран слегка дрожал в руке — я надеялся, что в темноте это незаметно. Охранник молча пробежался взглядом по билету, кивнул но не отошёл.

Его глаза поднялись на меня.

— А где твоя машина?

Вопрос ударил резко. Прямо в грудь.

Вот здесь я и замешкался.

Секунда. Слишком долгая секунда.

В голове пустота. Ни одной заготовленной версии. Ни одной продуманной легенды. Только шум моторов позади и ощущение, что я стою на краю чего-то гораздо большего, чем просто нелегальная гонка.

— Или ты новый технарь «Фиолетовых»? — вдруг добавил он, слегка прищурившись.

Он не спасал меня. Он просто бросил вариант.

Но я ухватился за него мгновенно.

— Да. Это я, — ответил я ровно.

Ложь сорвалась с губ слишком легко. Даже пугающе легко. Я не моргнул. Не отвёл взгляд.

Внутри же сердце ударило сильнее. Технарь. Не гонщик. Не участник. Просто тот, кто стоит в стороне от руля. Так

безопаснее.

Охранник ещё пару секунд смотрел на меня, будто проверяя, дрогну ли я. Затем кивнул.

— Хорошо. Тебе нужно пройти по левой стороне и найти Рона. Он дальше объяснит.

Он протянул руку.

— Дай запястье.

Я послушно вытянул руку. Его пальцы были тяжёлыми и холодными. Он надел на меня фиолетовый браслет — простой, пластиковый, как в ночных клубах.

Щелчок.

Небольшой звук, но внутри он прозвучал как замок, закрывающийся за спиной.

Теперь я был частью этого места.

И пути назад, кажется, уже не было.

Вокруг меня кипела толпа. Смех, крики, рёв двигателей, запах бензина и горячей резины смешивались в плотный, удушливый воздух. Свет фар резал глаза, неон отражался в мокром асфальте.

Браслеты я заметил не сразу.

Зелёный — на запястье мужчины, сидевшего на капоте зелёного Chevrolet Camaro в новом кузове. Машина блестела, будто только что выехала из салона, но взгляд её владельца был куда грязнее. Он лениво курил, наблюдая за происходящим исподлобья. Скользкий тип. Из тех, кто улыбается только тогда, когда кому-то плохо.

Чуть дальше стояли пятеро с чёрными браслетами. Они образовали тесный круг и молчали. Ни смеха, ни жестов — только тихий обмен взглядами. Слишком спокойно для этого хаоса. Словно они ждали сигнала.

Я сделал шаг — и наткнулся на него.

— Ты ещё кто? — голос прозвучал резко.

Рыжеволосый парень стоял почти вплотную. Его зелёные глаза буквально прожигали меня насквозь. Руки скрещены на груди. На запястье — фиолетовый браслет. Такой же, как у меня.

Вот чёрт.

А если он сейчас спросит то, на что у меня нет ответа? Если просто скажет кому-то — и всё?

Я прочистил горло, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Мне нужен Рон.

Парень приподнял бровь.

— Ну я это. А ты кто?

Сердце стукнуло сильнее. Назад дороги уже не было.

— Я новый технарь «фиолетовых».

Слова сорвались быстрее, чем я успел их обдумать.

Он коротко усмехнулся.

— Ты? Не смейся. Я бы знал. От кого ты?

Пауза повисла между нами. Шум вокруг будто стал тише, или это кровь гудела в ушах.

— Меня зовут Крис Браун, — сказал я, выдерживая его взгляд. — Протестируй меня. И сам поймёшь, что лучше ме-

ня здесь нет.

Я говорил уверенно. Даже слишком.

Внутри же всё сжималось. Нужно было соответствовать тому, кем я только что себя назвал.

Иначе меня раздавят — быстро и без лишних вопросов.

— Позже. Сейчас мне надо идти. Встретимся после гонки.

Он сказал это коротко и уже через секунду растворился в глубине площадки — туда, где сгущался свет фар и поднимался дым от прогретых двигателей.

Я остался стоять среди толпы.

Рядом со мной собрались девушки — громкие, яркие, слишком легко одетые для холодного ветра, гулявшего по пустырю. Одна из них была в вызывающе короткой розовой юбке. Ветер трепал подол, но она будто не чувствовала холода.

— Ну сколько можно ждать? — раздражённо сказала она, обхватив себя руками. — Я уже замёрзла. Кого они опять тянут? Это же обычный заезд.

— Ждут четвёртого участника, — ответила вторая, не отрывая взгляда от линии старта. — Без него не начнут. Деньги уже сданы.

Они играют на деньги.

Значит, всё серьёзно. Каждый водитель внёс свою сумму. Победитель забирает всё.

— Хоть бы не фиалка, — пробормотала первая.

Фиалка.

Я машинально посмотрел на свой браслет. Фиолетовый. Пластик впился в кожу чуть сильнее, чем раньше.

Где-то впереди глухо взревел двигатель. Воздух дрогнул. И тогда я увидел их.

Три машины стояли в ряд на линии старта, идеально выстроенные по белой полосе, словно по линейке. Фары резали темноту, отражаясь в мокром асфальте. Воздух вокруг вибрировал от низкого гула прогретых двигателей.

Первая — Nissan Skyline. Тёмно-синий, с агрессивным обвесом и широким спойлером. Прямо как во второй части «Форсажа». Та самая легенда уличных гонок. Турбина тихо посвистывала, будто машина нетерпеливо втягивала воздух перед рывком.

Вторая — оранжевый Lamborghini Aventador. Низкий, острый, как клинок. Его цвет казался почти неоновым в свете прожекторов. Двигатель работал ровно, но в этом спокойствии чувствовалась скрытая мощь — одно нажатие педали, и он разорвёт асфальт.

Третья — красный Ford GT. Чистый, собранный, хищный. Без лишнего пафоса, но с характером. Его корпус отражал огни толпы, будто пульсировал в такт реву мотора.

Три разных стиля. Три разных характера.

И одно пустое место рядом.

Четвёртая машина должна была встать туда.

Я смотрел на линию старта и чувствовал, как внутри поднимается знакомое напряжение. Рёв двигателей будто про-

бирался под кожу. Скорость всегда выглядела красиво пока не начинала убивать.

И тогда я услышал это.

Не просто звук двигателя — рёв. Глубокий, тяжёлый, будто проснулся зверь и напомнил, кто здесь главный. Асфальт под ногами будто дрогнул.

Толпа расступилась сама.

Я увидел её.

Dodge Challenger SRT Demon 170 медленно, почти лениво выкатывался из темноты и направлялся к пустому четвёртому месту. Он не спешил. Он знал, что все смотрят.

Машина плавно встала на линию старта.

Цвет.

На первый взгляд — чёрный. Глубокий, глянцевый, как нефть. Но под определённым углом прожекторов кузов вспыхивал тёмным фиолетовым оттенком. Почти незаметным. Почти скрытым.

Фиалка.

У этого монстра — прозвище «Фиалка».

В голове не укладывалось, как такую мощь могли назвать так нежно. Это было всё равно что назвать тигра котёнком.

Толпа оживилась. Кто-то присвистнул. Кто-то хлопнул по капоту соседней машины. В воздухе зашумело возбуждение.

— Гонка будет весёлая — Хотя мы и так знаем имя победителя.

Я невольно напрягся.

Наверное, они говорили о ней.

Демон стоял спокойно, но двигатель рычал низко и ровно, будто сдерживал себя. Машина была полностью затонирована. Стёкла — чёрные, непрозрачные. Ни намёка на водителя.

Кто сидел за рулём этого зверя, было невозможно понять. И это делало всё ещё хуже.

Три машины рядом казались опасными.

Но эта — внушала страх.

Четыре машины выстроились в линию.

Толпа сжалась ближе к трассе. Кто-то включил фонарики на телефонах. Кто-то залез на капоты чужих машин. Воздух стал плотным от ожидания.

Девушка с флагом вышла вперёд.

Двигатели заревели одновременно — но звук «Фиалки» прорезал всё остальное. Глухой, тяжёлый, с металлическим надрывом. Не рёв — удар.

Толпа взорвалась.

— Давай! — Демон! — Фиалкааа!

Я чувствовал, как вибрация проходит через грудную клетку.

Руки девушки резко опустились.

Старт.

В одно мгновение машины сорвались с места. Вспышка света. Визг шин. Запах жжёной резины ударил в нос.

Nissan рванул резко, Lamborghini почти без пробуксовки

выстрелил вперёд, Ford дернулся с мощным рывком.

Но «Фиалка»

Она ударила в асфальт всей массой. Задние колёса вцепились в покрытие, перед машины на долю секунды поднялся вверх — чуть-чуть, но достаточно, чтобы толпа заорала ещё громче.

Она встала на дыбы.

И улетела.

Первые секунды все шли почти ровно. Skyline пытался удержать темп. Aventador красиво набирал скорость. Красный Ford держался плотно.

Но Demon будто только проснулся.

На середине прямой раздался ещё один рёв — глубокий, агрессивный. Машина резко ускорилась, будто кто-то толкнул её сзади гигантской рукой.

Толпа взорвалась криками.

На повороте стало опасно.

Ford вошёл слишком широко. Колёса свистнули. Машину повело боком — на секунду она почти потеряла контроль. Люди у ограждения отшатнулись, кто-то закричал.

Skyline попытался обойти по внутренней, но чуть не зацепил задний бампер Lamborghini. Искры коротко вспыхнули в темноте.

А «Фиалка»

Она вошла в поворот жёстко и точно. Без лишних движений. Без паники. Корпус едва накренился, зад чуть скольз-

нул — и тут же выровнялся.

Будто водитель делал это каждый день.

На выходе из поворота Демон уже был впереди на корпус.

Потом на два.

Потом на три.

Рёв двигателя становился всё ниже, тяжелее — не истеричный, а уверенный. Машина не выглядела напряжённой. Она будто играла.

Финишная линия вспыхнула в свете фар.

«Фиалка» пересекла её первой.

Без драмы. Без надрыва.

Просто — первая.

Через секунду финиш пересекли остальные, но всё уже было ясно.

Толпа взорвалась. Крики, свист, аплодисменты. Кто-то подпрыгивал, кто-то хватался за голову.

— Я же говорил! — Демон не проигрывает! — Это нечестно!

А «Фиалка» плавно сбросила скорость и остановилась чуть дальше линии, двигатель продолжал рычать ровно и спокойно.

Как будто это была не гонка.

А обычная тренировка.

И я понял одно.

Проблема не в машине.

Проблема в том, кто сидит за рулём.

После финиша «Фиалка» не стала устраивать шоу.

Не открылись двери. Не опустились стёкла. Никто не вышел принимать поздравления.

Машина стояла несколько секунд, тяжело рыча двигателем, будто зверь после удачной охоты. А потом — резкий, короткий рёв.

Педаль в пол.

Задние колёса сорвались в пробуксовку, оставив на асфальте две чёрные полосы, и Demon выстрелил вперёд. Фары скользнули по толпе, ослепляя лица.

И через мгновение её уже не было.

Только запах бензина и горячей резины.

Толпа взорвалась — крики, свист, споры. Кто-то радовался, кто-то ругался. Кто-то просто молча смотрел туда, где исчезла машина.

Я перевёл взгляд в сторону зелёного Chevrolet Camaro.

Тот самый скользкий тип всё ещё сидел на капоте, наблюдая за финишем. Ни удивления. Ни злости.

Только лёгкая усмешка.

Как будто он заранее знал исход.

Он медленно спрыгнул с капота, затушил сигарету о подошву ботинка и открыл дверь. Сел за руль, даже не оглядываясь на остальных.

Двигатель Camaro загудел ровно, уверенно.

И через несколько секунд он тоже уехал.

Без суеты. Без эмоций. Будто гонка была лишь частью че-

го-то большего.

Я проводил машину взглядом.

Слишком спокойно для человека, который только что наблюдал чужую победу.

Мне нужно узнать, кто она.

И, возможно, кто он.

Рона я ждать не стал. Если он и знал что-то — то не сказал бы просто так.

Я отошёл в сторону, подальше от шума, достал телефон и набрал Сэма.

— Поднимайся. Бери мой ноут. И приезжай к точке, которую я сейчас скину.

— Понял. Буду через двадцать минут.

Я отправил геолокацию и убрал телефон.

Если Демон скрывается — значит, у него есть причины.

А если зелёный Самаго улыбается — значит, он знает больше, чем показывает.

И это начинало пахнуть не просто гонкой.

Maybach уже ждал меня в указанном месте. Чёрный, массивный, почти бесшумный — он выглядел чужеродно после грохота моторов и запаха бензина.

Сэм сидел за рулём, взгляд спокойный, внимательный. Он не задавал лишних вопросов — привычка профессионала.

Я открыл дверь и сел внутрь. В салоне было тепло. Тихо. Пахло дорогой кожей и лёгким табаком.

Внутри разлилось странное, почти приятное ощущение после гонки. Адреналин ещё не ушёл. Он гудел в венах, как двигатель на холостых.

Вкус победы.

Даже если победил не я.

Где-то глубоко внутри я поймал себя на мысли, что хочу испытать это снова. Не наблюдать. А быть там. На старте. Чувствовать, как машина поднимается на задние колёса.

— Ну что там? — спросил Сэм, когда я погрузился в экран ноутбука. — Что так торопишься?

Я молча открыл ноут и начал просматривать городские камеры. Перекрёстки, выезды с промзоны, платные трассы.

Сначала — ничего. Потом мелькнули тени машин. Но отличить Фиалку было сложно. Тонировка, скорость, резкие повороты, неожиданные развороты — всё это делало её почти невидимой. Казалось, она знала каждый камень на дороге, каждый поворот так, чтобы её нельзя было отследить. Как будто кто-то специально обучил её скрываться.

— Что ищем? — осторожно спросил Сэм, заметив моё напряжение. — Какую машину?

Я лишь пожал плечами. — Никого конкретного. Просто нужно знать, куда они поехали.

На одной из камер появился силуэт. Чёрный, агрессивный, почти растворялся в тени. Машина двигалась быстро, но без паники. Она не оставляла следов.

— Она уверена в себе, — пробормотал я сам себе. — Как

будто знает дорогу и намеренно хочет скрыться.

Сэм молча кивнул, не понимая деталей. Он не знал, кто это. И мне было лучше, что он не знает.

Я увеличил кадр, стараясь разглядеть хоть что-то. Номер скрыт отражением фар. Тонировка — глухая.

— Похоже, у неё есть цель, — тихо сказал я самому себе. — И я собираюсь выяснить, кто это.

На экране мелькнул поворот в сторону старого промышленного района. Я остановил запись и глубоко вдохнул.

— Поехали.

Внутри снова шевельнулся тот вкус. Не победы. Не просто гонки. А охоты.

Maybach рвался вперёд, а я не отводил глаз от ноутбука. Камеры города мигали на экране, как пазл, который нужно собрать за секунды. Каждое движение Фиалки фиксировалось, но она словно растворялась в городе, умело лавируя между улицами.

Она знала, как ехать, чтобы её не отследили, как будто специально выбирала маршруты, которые могли запутать любого, кто попытается за ней следить. Я жмурился, когда она почти касалась бордюров, и каждое ускорение отдавалось в груди, словно удар молота.

Но постепенно узкие переулки и старые промзоны начали складываться в картину. Камеры и данные с мобильных маршрутов показали закономерность: Фиалка ехала не случайно. Она направлялась к определённом месту — старому

комплексу складов на окраине города.

— Там! — выдохнул я, указывая на экран. — Это её точка.

Maybach мягко ушёл в поток ночного города, и я буквально следил за её тенью. Она свернула в один из больших ангаров, и я, не снижая скорости, подъехал к зданию. Двери были закрыты, окна заблокированы.

Сердце колотилось. Я впервые понял, что, возможно, нашёл её базу, и теперь вопрос был не в том, куда она уехала, а в том, **кто скрывается за этой тенью и что она замышляет дальше.**

Я пробирался к зданию осторожно, каждый шаг отдавался скрипом старого асфальта и ржавых дверей. Полуразрушенные стены, облупившаяся краска и пустые окна создавали впечатление заброшенности. Но инстинкт подсказывал: это не просто заброшка. Здесь всё живо, всё наблюдает.

Я обошёл углы здания и заметил первую странность — на фасаде, замаскированная под вентиляционную решётку, чуть заметная линза. Ещё одна — под лампой, словно часть освещения. Ещё одна — в трещине между кирпичами. И так по всему периметру.

Камеры были идеальны. Их можно было принять за обычные элементы декора, старые датчики, даже куски грязи. Но я знал — они видят всё. Каждое движение, каждый вздох.

Я остановился, всмотрелся в одну из линз, прямо на меня. Сердце колотилось, руки слегка дрожали. Внутри всё крича-

ло: «Скрыться. Отступить. Слишком опасно».

Но любопытство пересилило страх. Я сделал шаг вперёд и, не отводя взгляда от камеры, сказал почти шёпотом:

— Я знаю, что вы меня видите. Я знаю, что за мной следите. Я пришёл, чтобы поговорить.

На мгновение тишина окутала меня, словно сам бетон прислушивался. И вдруг стена передо мной начала медленно подниматься, скрипя ржавыми петлями. Свет прорезал полумрак, открывая внутреннее пространство.

Внутри стояла она — Фиалка. Dodge Challenger SRT Demon 170, чёрная с лёгким фиолетовым отблеском на капоте. Машина была припаркована идеально, словно ждала меня. За ней тянулся свет, который мягко подсвечивал проход, создавая странную, почти мистическую ауру.

Я замер. Всё вокруг теперь казалось живым. Машина, свет, скрытые камеры — всё наблюдало. И теперь я понял, что вход найден. А впереди ждало то, что я искал.

Глава 5

Я зашёл в ангар, и передо мной открылось огромное пространство. Это был настоящий гараж — высокий потолок, бетонный пол, мерцающий свет. Все машины были накрыты чехлами, словно спали, дожидаясь следующей гонки. Вдалеке возвышался автоподъёмник, рядом с ним — набор инструментов, домкратов, всё говорило о том, что тут не просто хранят машины, а обслуживают их, готовят к настоящей битве на асфальте.

Проходя мимо, я не удержался. Провёл пальцем по гладкому кузову Демона. Огромная мощь. Чёрный металлик с фиолетовым отблеском под светом — словно зверь, готовый сорваться с цепи. От прикосновения будто передалась энергия, вибрация. Сердце слегка ускорило, ладони вспотели.

И, да может, где-то в глубине души, я хотел сесть за руль. Почувствовать, как этот монстр реагирует на каждое движение, как рев двигателя разрывает воздух, как адреналин бросает в виски. Но реальность подсказывала осторожность. Здесь всё было чужим, чужим и опасным.

Я остановился на мгновение, ощутив тяжесть момента: рядом с этой машиной я стоял на пороге чужого мира, мира, который не прощает ошибок. Но желание узнать, кто управлял этим зверем, делало шаги неизбежными.

Я прошёл дальше по ангару, осторожно ступая, прислу-

шиваясь к каждому звуку. В конце тёмного коридора открылось огромное помещение — сразу стало понятно, что это не просто гараж. Комната была просторная, почти как лофт, с высоким потолком и мягким рассеянным светом, который создавал игру теней на стенах.

В центре стоял большой деревянный стол — массивный, тяжёлый, с отпечатками чашек и инструментов, будто здесь решали не просто вопросы ремонта, а стратегические задачи. Рядом расположился бар, аккуратно расставленные бутылки отражались в приглушённом свете, создавая странное чувство спокойствия среди хаоса техники.

В углу стояли два дивана, образующие уютную зону отдыха. На маленьких столиках рядом с диванами стояли несколько ноутбуков и мониторов, мерцающих голубым светом. Экран за экраном показывал видео с камер наблюдения — и чем дальше я проходил, тем больше осознавал, что вся территория, включая гараж, окрестности и даже подъездные пути, была под прицелом.

И тут моё сердце сжалось: на одном из экранов я увидел маленькую точку, знакомую мне как Maybach Сэма, припаркованный аккуратно в стороне. Он даже не догадывался, что за ним наблюдают.

Я задержал взгляд на мониторах и понял — здесь знают обо всём. Каждый шаг, каждое движение фиксируется. И кто бы ни был владельцем этого места, он умеет оставаться в тени, управляя всем происходящим, словно дирижёр оркест-

ром.

Стало ясно: эта база не просто мастерская для машин. Это сердце организации, где каждая деталь продумана, а каждый взгляд зафиксирован. И я только что вошёл в её центр.

Прошло две секунды как из соседней комнаты послышались голоса и ко мне вышли четыре фигуры.

Рон шёл первым, рядом с ним — девушка в облегающем комбинезоне. Её светлые волосы были аккуратно заплетены в дракончики, а лицо светилось живостью и лёгкой озорной улыбкой. Она мило болтала с Роном, её голос был как колокольчик, легко разбавлявший напряжённую атмосферу гаража. Казалось, всё вокруг — механические монстры и холодный металл — теряло силу рядом с её энергией.

За ними шла миниатюрная девушка с темными волосами. Она была словно маленький стержень уверенности и скрытой силы. Черные кожаные штаны облегли ноги, массивные ботинки придавали её походке тяжесть, а короткая курточка едва скрывала её хрупкое тело. Несмотря на миниатюрность, она вызывала чувство уважения и осторожности — будто каждый шаг, каждый взгляд имел значение, а её присутствие заставляло окружающих оценивать пространство заново.

Следом, словно тень, шёл коренастый блондин. Широкие плечи, длинные шаги — он явно держался так, будто охранял её. Но это было не навязчиво; это было естественно, почти инстинктивно. Его взгляд скользил по комнате, фиксируя детали, но каждый раз возвращался к маленькой темно-

волосой девушке, как будто весь его мир вращался вокруг неё.

— Я же сказал, поговорим после гонки, — проговорил он спокойно, с лёгкой усмешкой. — А ты молодец найти нас так быстро. Это стоит уважения.

Он хлопнул меня по плечу — не жестко, а скорее как знак признания, будто говоря: *ты не просто наблюдатель, ты игрок*. Я почувствовал лёгкое напряжение и одновременно странное тепло от этого жеста. Его взгляд — уверенный, хищный — будто сканировал меня насквозь, проверяя, готов ли я к тому, что происходит здесь, в этом мире скорости и риска.

Я заметил, как маленькая темноволосая девушка, стоявшая чуть поодаль, чуть опустила глаза, словно оценивая меня, словно решала, доверять ли этому новому лицу. Её черты оставались строгими, но в них мелькнуло лёгкое любопытство. Коренастый блондин рядом с ней сделал шаг чуть вперёд, словно защитник, и его взгляд, тяжёлый и внимательный, мгновенно приковал меня к себе — ясно дав понять, что любое движение может быть замечено.

Я стоял, чуть напрягаясь, ощущая на себе смесь любопытства и страха. Внутри что-то зашевелилось: этот человек, этот мир, эти взгляды — они уже не давали шанса на обычную жизнь. И всё же уважение, которое он только что выразил, заставило сердце биться быстрее — азарт и желание быть достойным подталкивали меня вперёд.

— Откуда у тебя приглашение? Фиолетовый браслет — её голос был ровный, но в нём слышалась холодная искра — ты получил случайно, обманув охранника.

Она сделала шаг к своим людям: — Тео, Рон, нужно сделать так, чтобы охрана была усилена.

Да, она говорила это мальчикам так властно, что от её слов буквально зябло в груди. Они слегка вздрогнули, будто осознавая, что на этот раз спорить бессмысленно.

— Мне его дал отец, — сказал я прямо, не пытаясь скрыть правду.

— Что ж сейчас ты не лжешь. Зачем тебе гонки? Ты ведь даже не за рулем теперь? — глаза тёмной девушки пронзили меня насквозь.

Я почувствовал, как внутри что-то сжалось. Она она знает. Мои ночные заезды, трассы, скорость, когда я терял контроль и одновременно обретал свободу. Но как?

— Мне нужно это, — коротко и спокойно сказал я.

Она молчала, будто сканировала меня, изучала каждое движение, каждое выражение лица. В её взгляде было что-то почти медицинское — холодное, точное, словно она видела все мои скрытые мысли.

— Что ж, хорошо, — наконец сказала она, и в её голосе появилось лёгкое тепло, но не слишком, чтобы расслабить. — Давай знакомиться: я — Кейт, Рона ты уже знаешь, блондинка — Тина, блондин — Тео.

Я кивнул, внутренне оценивая каждого. Всё вокруг — си-

ла, контроль, опасность. И теперь я понимал, что здесь я уже не просто новичок. Здесь меня будут проверять, изучать, а возможно — и подталкивать к пределу.

Блондинка, Тина, шагнула к машинам. Каждое её движение было точным и уверенным, как будто она знала их наизусть. Она скользнула между железными корпусами, откидывала чехлы, проверяла зазоры, проводила рукой по капотам. Казалось, машины оживали под её взглядом — будто признавали хозяйку.

Тео и Кейт остались возле диванов. Они сели близко друг к другу, наклонились над столом с ноутбуками и планшетами, что-то тихо обсуждали. Их головы почти соприкасались. Иногда Кейт что-то показывала на экране, Тео кивал, отвечал коротко, уверенно.

Я поймал себя на мысли: они слишком слаженно двигаются. Слишком хорошо понимают друг друга без слов. Будто не просто команда а что-то большее. Это ощущение вызвало лёгкое напряжение — не из-за ревности или угрозы, а потому что их связь давала им преимущество.

Рон заметил мой взгляд и усмехнулся.

— Кейт и Тео — наши пилоты. Тина — механик. И не смотри, что она девчонка. Она любит тачки больше, чем половина мужиков в этом городе. Я — координатор.

Он сделал паузу, посмотрел на меня внимательнее.

— А ты теперь наш технарь.

Я чуть нахмурился, но ничего не сказал. Он жестом при-

гласил меня к большому столу в центре комнаты. На нём лежали схемы трасс, распечатки, какие-то таблицы, планшеты с отмеченными маршрутами.

— Каждый сезон проходит турнир между командами, — продолжил он. — Сейчас их четыре. У каждой свой цвет.

Он постучал пальцем по схеме.

— Мы — «Фиолетовые Демоны». Соответственно, цвет фиолетовый. — «Звери» — зелёный. — «Чёрный момент» — чёрный. — И «Неоновый синдикат» - синий.

Я слушал, вглядываясь в схему, но в голове всплыл другой образ.

Зелёный Самаго. Усмешка. Холодный взгляд.

— Зеленый Самаго — медленно сказал я. — Это, видимо, главарь «Зверей»?

Рон усмехнулся шире.

— О-о ты увидел Брайна. Да. Он их лидер.

Имя прозвучало спокойно, но с лёгким оттенком презрения.

— Турнир включает пять заездов, — продолжил Рон. — Каждые две недели. Разные трассы. Разные условия. Ночные, дождевые, иногда — почти без правил.

Он перевернул лист.

— В команде всегда пять человек: два пилота, технарь, механик и координатор. Пилоты — скорость. Механик — состояние машин. Я — стратегия.

Он посмотрел на меня.

— А ты будешь отвечать за технологии. Камеры, маршруты, анализ соперников, связь. Без технаря команда — слепая.

Я медленно кивнул.

— И что получает победитель? — спросил я.

Рон чуть прищурился.

— Деньги за каждый заезд. И главный приз в конце сезона. Плюс статус.

Он сделал паузу.

— А статус в этом мире стоит дороже денег.

Я перевёл взгляд на Кейт. Она как раз подняла глаза и на секунду встретилась со мной взглядом.

Спокойный. Холодный. Оценивающий. Но и заинтересованный.

Теперь я понимал.

Это не просто гонки.

Это война команд. И я только что стал её частью.

Вопросов было так много, что я не мог выбрать, какой задать первым. Они толкались в голове, перебивая друг друга, но ни один так и не сорвался с языка.

Рон будто почувствовал это и продолжил, не давая мне времени заговорить:

— Первый заезд через месяц, так что стоит подготовиться. Сегодня уже поздно. Мы напишем тебе — когда и куда подъехать, обговорим детали.

Он сделал шаг ближе. Улыбка осталась, но в голосе по-

явилась сталь.

— И, Крис об этом месте никто не должен узнать. Никто. Если хоть что-то всплывёт — ты труп.

Он подмигнул, словно это была шутка. Но глаза не шутили.

Жестом он показал на выход.

Я кивнул и направился к двери. Шаги отдавались глухо, слишком громко для такого пространства. Уже у самого выхода я оглянулся.

Кейт смотрела на меня.

Не случ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.